

Научная статья
УДК 94(5)+323.111-055.2
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-35-47>

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ОСМАНСКОГО ОБЩЕСТВА СЕРЕДИНЫ XIX В. В ПРЕДСТАВЛЕНИИ КНЯГИНИ КРИСТИНЫ ДИ БЕЛЬДЖОЙОЗО

Элина Михайловна
Титкова

Тверской государственный университет
Тверь, Россия, titkova-elina@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0005-7992-3004>

Аннотация. Статья сосредоточена на эмигрантском опыте итальянской княгини К. Т. ди Бельджойозо с точки зрения восприятия ею этнокультурных и религиозных особенностей населения Османской империи в середине XIX в. На основе анализа ее автобиографического нарратива, посвященного жизни в инокультурной среде Малой Азии, Сирии, Палестины, наблюдения К. Т. ди Бельджойозо об османском обществе интерпретированы в контексте отступления от дискурса европейского ориентализма. Представления княгини об этноконфессиональной дифференциации общества Османской империи раскрыты через акценты на категории этничности и вероисповедания, во взаимосвязи с чем определен перечень местных общин, идентифицированных и описанных К. Т. ди Бельджойозо, а также черты конкретных образов «других» как представителей этнических групп и религиозных конфессий. Особое внимание, наравне с характеристикой крупных сообществ, уделено специфике презентации ею этнических и этноконфессиональных меньшинств, проявлений синкретических религиозных представлений и культов. В нарративе К. Т. ди Бельджойозо также обнаружено применение иных принципов разделения – по приверженности к кочевому или оседлому образу жизни и по языковой принадлежности человека. Отдельно проанализирована динамика межэтнических и межконфессиональных отношений в османском обществе, суть которой состояла в вариативности контактов: от мирных связей и смешанных браков до конфликтов и скрытой неприязни. В заключение сделан вывод о высокой степени подробности изложения К. Т. ди Бельджойозо этноконфессиональных различий населения Османской империи в середине XIX в., что дало ей возможность представить в своих текстах сложность и неоднородность этого общества. Подобный подход позволил автору передать близкую к реальности этнокультурную ситуацию в регионе и тем самым подтвердить отход от ориенталистского видения Ближнего Востока.

Ключевые слова: Ближний Восток, османское общество XIX в., Кристина Тривульцио ди Бельджойозо, ориентализм, этнокультурная идентичность, религиозные общины, этноконфессиональные меньшинства.

Благодарности: Работа выполнена под научным руководством доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета А. В. Беловой.

Для цитирования: Титкова Э. М. Этноконфессиональные различия османского общества середины XIX в. в представлении княгини Кристины ди Бельджойозо // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 35–47. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-35-47>

Сведения об авторе: Э. М. Титкова – аспирант кафедры всеобщей истории, Тверской государственный университет, 170100, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31.

Scientific Article

UDC 94(5)+323.111-055.2

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-35-47>

ETHNO-CONFESIONAL DIFFERENCES IN OTTOMAN SOCIETY IN THE MID-NINETEENTH CENTURY AS SEEN BY PRINCESS CRISTINA DI BELGIOJOSO

Tver State University

Elina M. Titkova

Tver, Russia, titkova-elina@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0005-7992-3004>

Abstract. The article focuses on the emigration experience of Italian princess Cristina Trivulzio di Belgiojoso from the perspective of her perception of the ethnocultural and religious characteristics of the Ottoman Empire's population in the mid-nineteenth century. Based on an analysis of the princess's autobiographical narrative devoted to life in the foreign cultural environment of Asia Minor, Syria, and Palestine, the author interprets her observations on Ottoman society in the context of a departure from the European Orientalism discourse. The article focuses on the categories of ethnicity and religion, through which C. T. di Belgiojoso's ideas about the ethno-confessional differentiation of society in the Ottoman Empire are revealed, and defines a list of local communities described by the Princess, as well as the features of specific images of 'Others' as representatives of ethnic groups and religious confessions. Along with the characteristics of large communities, the author also pays special attention to the specifics of ethnic and ethno-confessional minorities representation, and syncretic religious beliefs and cults manifestations. C. T. di Belgiojoso's narrative also reveals the use of other principles of division – according to adherence to a nomadic or sedentary lifestyle and to a person's linguistic affiliation. The dynamics of interethnic and interfaith relations in Ottoman society are analysed separately, with a note on the variability of contacts, ranging from peaceful relations and mixed marriages to conflicts and latent hostility. In conclusion, the author notes that C. T. di Belgiojoso provides a highly detailed account of the ethno-confessional differences among the population of the Ottoman Empire in the mid-nineteenth century, which allowed her to present the complexity and heterogeneity of this society. This approach allowed the author to convey a realistic ethnocultural situation in the region and thus confirm the departure from the Orientalist view of the Middle East.

Keywords: Middle East, Ottoman society of the 19th century, Cristina Trivulzio di Belgiojoso, Orientalism, ethnocultural identity, religious communities, ethno-confessional minorities.

Acknowledgments: The work was carried out under the scientific supervision of A. V. Belova, Doctor of Sciences in Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Tver State University.

For citation: Titkova, EM 2025, 'Ethno-Confessional Differences in Ottoman Society in the Mid-Nineteenth Century as Seen by Princess Cristina di Belgiojoso', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 35–47, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-35-47> (in Russ.)

Information about the Author: Elina M. Titkova – Postgraduate Student of the Department of World History, Tver State University, 16/31, Trekhsvyatskaya Str., Tver, 170100, Russia.

Введение

В качестве основы европейского знания о восточных странах в XIX в. выступал комплекс устойчивых идей, представлений и образов, которые в историографической традиции, вслед за Э. В. Саидом, были объединены понятием «ориентализм», что в политико-идеологическом смысле предполагало отношения власти по линии «Запад – Восток», когда первый доминировал и подчинял второй, а в области литературы и искусства раскрывалось в виде тенденций романтизации и мистификации «Востока» [2, с. 21, 25, 40]. Тем самым реальность оставалась вне ориенталистского дискурса, и в европейском общественном сознании происходила замена настоящего гетерогенного этнокультурного пространства Ближнего Востока на искусственно сконструированную, стереотипную версию воображаемого «Востока», которая воспроизводилась в разных текстах эпохи.

Однако в ходе переосмысливания концепции Э. В. Саида в историографии одним из важных направлений критики стало почти полное исключение ученым из данного дискурса женских текстов о Ближнем Востоке, в то время как именно в них был выявлен потенциал для преодоления ориентализма в пользу более достоверного знания [15, р. 584–585; 16, р. 21, 62–63]. Среди женщин-авторов, писавших об опыте посещения региона, в этом смысле стоит выделить личность итальянской княгини Кристины Тривульцио ди Бельджойозо (1808–1871), в чьих текстах выражена интенция к созданию нового знания о населении земель Османской империи в середине XIX в.

К. Т. ди Бельджойозо более известна своим участием в общественно-политических и культурных процессах, связанных с итальянским национально-освободительным движением Рисорджименто [3, р. 67–68]. Летом 1849 г., после поражения Римской республики в ходе итальянской революции 1848–1849 гг., княгиня подверглась политическому преследованию и эмигрировала в Османскую империю, где находилась с 1850 г. по 1855 г., обосновавшись в чифтлике Чакмакоглу недалеко от Анкары и успев совершить путешествие из своего нового дома в Иерусалим и обратно в 1852 г. Важно подчеркнуть, что за время поездки на Святую Землю и в целом за пять лет К. Т. ди Бельджойозо посетила множество населенных пунктов, расположенных в разных эялетах империи, в пределах Малой Азии и Восточного Средиземноморья (рис. 1). В основе ее наблюдений лежал разносторонний опыт, включавший в себя общение с представителями разных культур, народов, религий, являвшихся подданными Османской империи.

Цель статьи – выявить этноконфессиональные различия османского общества середины XIX в. в представлении княгини К. Т. ди Бельджойозо.

Материалы и методы

Автобиографический нарратив К. Т. ди Бельджойозо, посвященный ее жизни в Османской империи, представлен главным образом ее письмами и воспоминаниями. Среди материалов переписки княгини особенно важны серии писем, опубликованные прижизненно: «Воспоминания в изгнании» (письма к К. Жобер за 1849–1850 гг.) во французской газете «Le National» [13] и «Письма изгнанницы» (письма к неизвестным теперь адресатам за 1850–1853 гг.) в американской газете «New-York Daily Tribune» [7; 8; 9; 10; 11; 12]. Также сведения о жизни османского общества содержатся в письмах княгини к О. Тьери в 1852–1856 гг. [4]. Важным источником являются мемуары «Малая Азия и Сирия. Воспоминания о путешествиях», полностью изданные к 1858 г. [5]. Кроме того, этноконфессиональная проблематика присутствует в серии «восточных» новелл княгини [6; 14], где этничность и вероисповедание персонажей выступили как влияющие на сюжет проявления их идентичности. Дополнением к письменным источникам служит сохранившийся рисунок араба, вы-

полненный княгиней в годы пребывания в Османской империи как пример репрезентации местного населения через визуальный образ жителя региона.

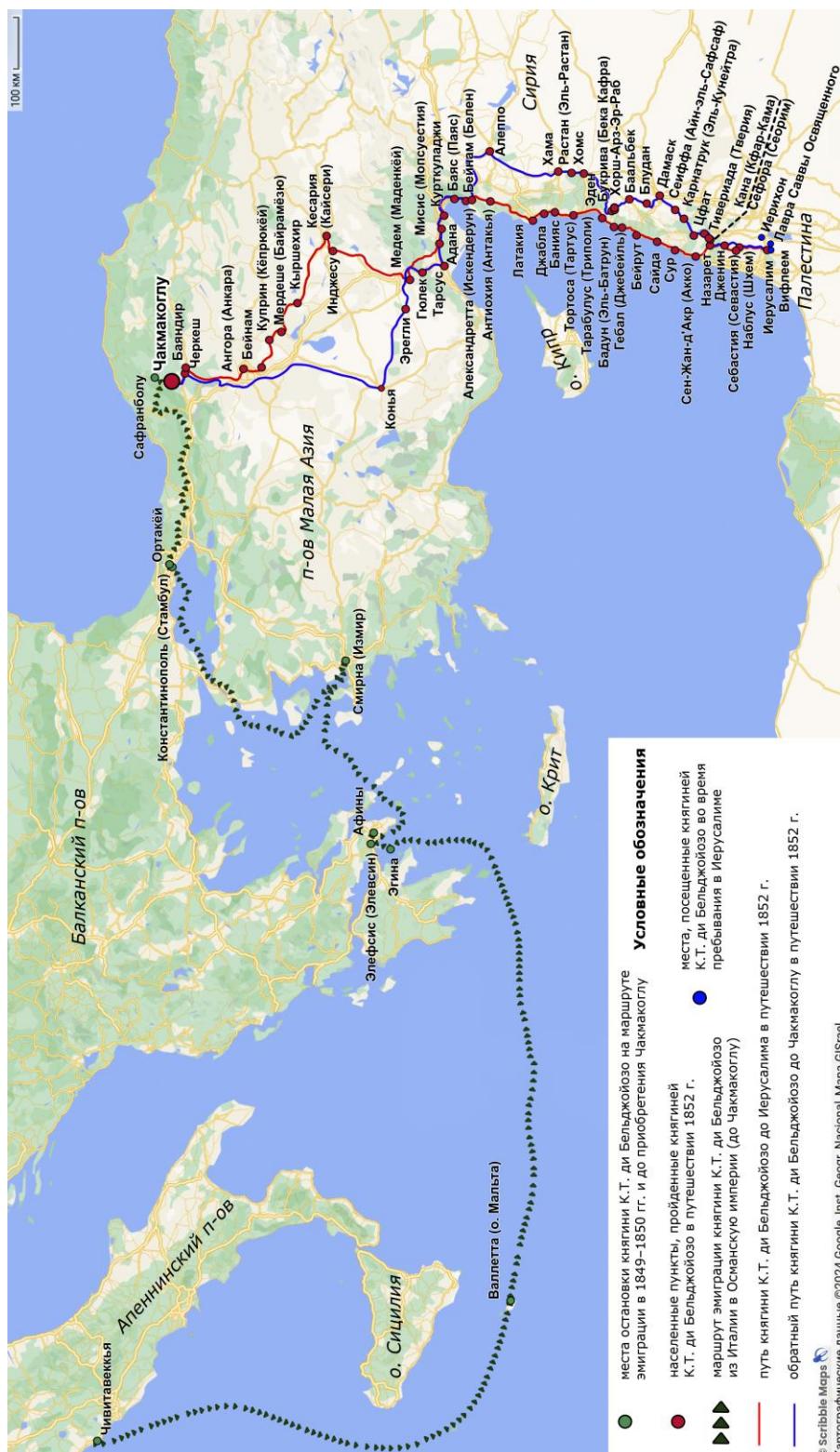

Рис. 1. Маршруты княгини К. Т. ди Бельджойозо в эмиграции.

Карта подготовлена автором статьи на основе Scribble Maps и Adobe Photoshop CS5.

Обозначения населенных пунктов: до скобок – по тексту источников; в скобках – современные названия. Другие знаки: см. Условные обозначения карты

Методология исследования основывается на применении подходов исторической антропологии, исторической имагологии, женской истории и истории повседневности, благодаря которым акцент ставится на личный опыт восприятия К. Т. ди Бельджойозо османского общества в этнокультурном преломлении, с точки зрения поиска в ее нарративе новых образов «других», нетождественных шаблонам ориентализма, и влияния этнокультурной идентичности на повседневные взаимоотношения местного населения. Так как в статье реализован анализ источников и представлений конкретной личности, особая роль отведена историко-биографическому методу и методу качественной интерпретации при работе с письмами и воспоминаниями.

Результаты

Прежде всего, стоит отметить, что время эмиграции княгини К. Т. ди Бельджойозо соотносится с неоднозначным и переходным периодом в истории Османской империи, связанным с проведением реформ Танзимата при султане Абдул-Меджиде I (1839–1861). С точки зрения этнокультурной ситуации важен Гюльханейский хатт-и-шериф 1839 г., где был декларирован концепт равенства всех поданных империи, независимо от веры или этнической принадлежности. Если прежняя структура общества базировалась на отделении мусульман от немусульман и воспроизводилась через систему миллетов для последних [1, с. 389–390], то нововведение юридически стирало межобщинные границы и к тому же меняло принцип сбора статистики. Так, новая перепись населения учитывала не только его религиозную аффилиацию, но и его этнический состав. В границах империи на 1844 г. проживало 35 млн. 350 тыс. человек, из которых было 33,38 % турок, 20,37 % славян (болгар, сербов и других), 13,76 % арабов, 11,32 % румын, 6,79 % армян, 5,66 % греков, 4,24 % албанцев, 2,83 % курдов, 0,65 % татар, 0,68 % евреев, 0,25 % туркменов, 0,07 % друзов (процентные соотношения подсчитаны с опорой на данные переписи 1844 г. [1, с. 391, 393]). Несмотря на вероятные сложности османской администрации в получении абсолютно точных данных, даже такое соотношение подтверждает, что османское общество являлось крайне неоднородным в этнокультурном смысле, и в отношении наблюдений княгини стоит определить, насколько глубоко ей удалось распознать это этническое многообразие, учитывая, что ее перемещения затронули далеко не все эялеты Османской империи.

В нарративе К. Т. ди Бельджойозо названо довольно большое количество разных групп, населявших пространство Малой Азии, Сирии, Палестины, в основу идентификации которых была положена именно категория этническости. При этом, описывая те или иные общины, княгиня не упускала возможности одновременно дать уточнение и по религиозной принадлежности их членов. Не исключено, что эта особенность была не просто ее личным выбором сочетать сведения таким образом, а имела прямое отношение к ситуации в стране. Неразрывность этнического происхождения и религиозной принадлежности человека в текстах К. Т. ди Бельджойозо наводит на мысль о том, что в османском обществе 1850-х гг., даже после провозглашения равенства, эти две «константы» идентичности по-прежнему дополняли друг друга, если не юридически, через систему миллетов, то в восприятии самих жителей империи.

В рамках мусульманской части общества К. Т. ди Бельджойозо выделила общинны турок, арабов, курдов, туркменов (в скобках здесь и далее приведены названия в нарративе – «туркоманов»), черкесов, албанцев и ряд более мелких групп людей [4, р. 847–848, 860; 5, р. 76, 88–89, 107, 265, 366–367, 370, 390–393, 418–422; 10, р. 6; 11, р. 6]. Среди этнических групп, составлявших часть населения, не исповедовавшую ислам, она обозначила греков, армян, евреев, грузин, рома («цыган») и переселенцев из Эфиопии («абиссинцев») [5, р. 55–63, 68, 106–107, 128, 195–199, 214–215, 219–

220, 261–262, 264–265, 302, 370, 405; 12, р. 5; 13, р. 148–150, 163–172]. Также стоит добавить, что, будучи итальянкой, княгиня не могла не замечать присутствия в регионе европейцев, которые обобщенно именовались ею «франками» – жителями «франкских улиц» и «кварталов» городов империи, где концентрировались мигранты из Европы [5, р. 282, 371–372]. Конкретное происхождение людей тоже могло указываться К. Т. ди Бельджойозо, когда она писала о встречах с англичанами, французами, итальянцами, испанцами, датчанами и другими выходцами из европейских стран, принявшими подданство Османской империи. Тем самым, сопоставив получившийся перечень местных сообществ, идентифицированных княгиней, с данными переписи 1844 г., уже на данном моменте можно заметить, что ей удалось отразить сведения о сравнительно большем количестве групп населения, которые при переписи не были выделены отдельно и оказались включены в состав более крупных общин.

Более того, важной особенностью нарратива К. Т. ди Бельджойозо стало то, что идея этнически многогранной реальности османского общества 1850-х гг. была раскрыта ею с акцентом на подробное повествование о представителях разных общин, чертах их одежды, быта, повседневных практик, верований, культурных традиций, а также характеристик ментальности, которые, по ее мнению, прослеживались в процессе общения с населением. В этом отношении стоит согласиться с замечанием А. Амойи о том, что в эмиграции княгиня уделяла почти исключительное внимание не столько природной, сколько человеческой среде [3, р. 81], особенно если учесть, что данный регион существенно отличался от европейского пространства.

Первичным признаком опознания инаковости выступали элементы внешнего облика и одежды людей из разных этнических групп – в этой связи примечательны описательные сюжеты, которые К. Т. ди Бельджойозо посвятила увиденным ею костюмам и головным уборам. Так, во время посещения гарема Мустук-бея в городе Баяс (совр. Паяс) она обратила внимание на одну из его жен, туркменскую девушку, которая, хотя и была одета примерно так же, как и другие, носила туркменский головной убор – как писала княгиня, крайне сложную конструкцию, «бесконечное множество тюрбанов, надетых один на другой <...> поднимающихся на недосягаемую высоту», что напомнило ей «башню на манер богини Кибелы» [5, р. 117–118]. Или, например, описывая армянских женщин Кесарии (совр. Кайсери), К. Т. ди Бельджойозо подчеркивала, что ключевым элементом их образа являлась феска, расшитая золотом и украшенная пришитыми к ней монетами и драгоценными камнями [5, р. 56–57]. Еще более репрезентативным выражением можно считать рисунок княгини, где запечатлен визуальный образ араба Сирии (рис. 2), изображение которого в светлых одежде и тюрбане неслучайно и совпадает с описанием сирийских сельских жителей [5, р. 74]. Иногда К. Т. ди Бельджойозо также напрямую сравнивала местные общины и их жизненные условия. Одной из таких параллелей стало сопоставление турецких и греческих деревень: в восприятии княгини турки обычно выбирали живописные места для жилищ, имея «врожденный вкус к красотам природы», тогда как греки при выборе локации исходили из практических вопросов обеспеченности места ресурсами или расстояния до рынков [5, р. 68–69]. Подобные детали, позволяющие представить портреты и черты материальной культуры членов разных этнических общин Османской империи, можно считать важным шагом в направлении раскрытия этнокультурного многообразия населения.

Так как все сведения К. Т. ди Бельджойозо были опосредованы ее личным опытом межкультурной коммуникации с населением Османской империи, она пыталась судить и об определенных характеристиках ментальности, которые, с ее точки зрения, проявлялись в общении людей с ней и которые можно было бы приписать тем или иным народам в сравнительной перспективе. В частности, такого рода пред-

положения она высказала о характере турецкого народа, когда отметила, что у турок есть «драгоценный фонд доброты, мягкости, простоты, замечательный инстинкт уважения к прекрасному, жалости к слабому», проявления чего она с легкостью встречала в повседневной жизни: «Никто из них не повышает голос, никто не переходит на шутку, чтобы просто обидеть <...> никто не смешивает свои слова с теми богохульствами или грубыми изречениями, которыми увлекаются люди в других странах» [5, р. 98–99]. В отношении курдов княгиня отмечала импульс торжественности, которым они были готовы сопровождать любые события и бытовые дела [5, р. 367]. В этом контексте интерес представляют размышления о туркменах, которыми К. Т. ди Бельджойозо решила поделиться с О. Тьери в письме от 18 февраля 1852 г., на второй месяц путешествия в Иерусалим, где она заявила, что, привыкнув к «добродушию турок и величественным манерам курдов», осталась удивленной сдержанным приемом, полученным в туркменских поселениях [4, р. 848]. Вероятнее всего, настороженное отношение к иностранцам, с которым княгиня столкнулась в пути, можно интерпретировать как проявление закрытости культуры данной общины, настроенной в большей степени на сохранение своей этнокультурной специфики и традиционного образа жизни, который не предполагал интенсивные контакты с европейцами.

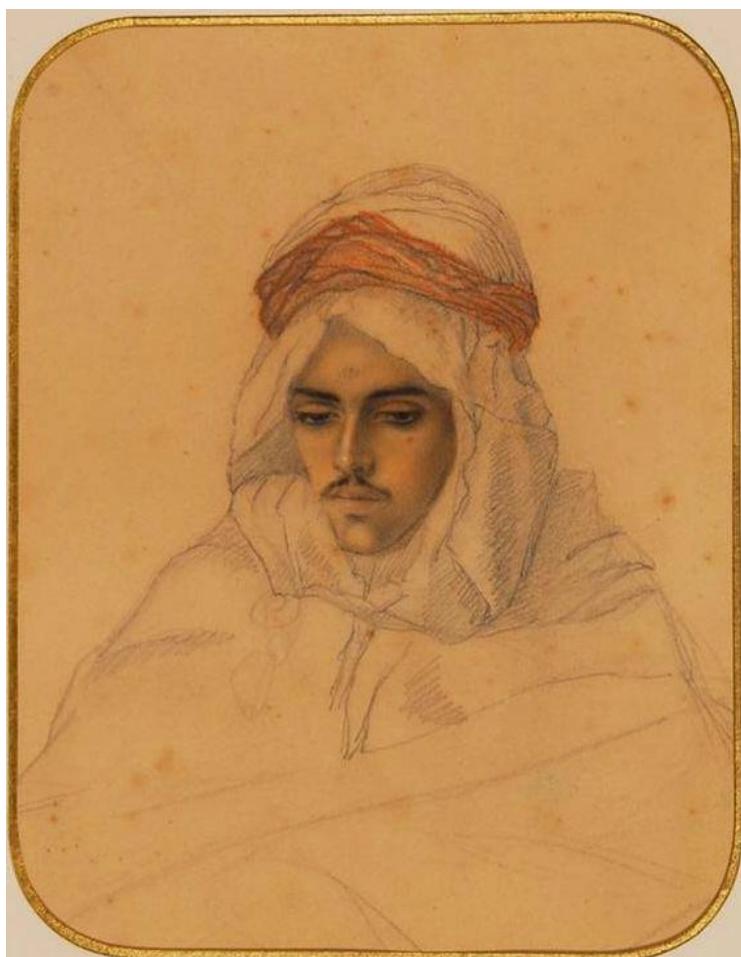

Рис. 2. Портрет араба работы княгини К. Т. ди Бельджойозо, ок. 1855 г.
Замок Мазино, Каравино.

Источник: <https://www.cristinabelgiojoso.it/wp/la-biblioteca/i-disegni-di-cristina/>
(дата обращения: 25.10.2025)

В продолжение проблемы защиты этнокультурной идентичности народов империи стоит также добавить, что К. Т. ди Бельджойозо с долей восхищения писала о том, как многие из них, находясь в положении немусульманского меньшинства, тем не менее смогли адаптироваться и найти себе место в зоне влияния ислама, не ассилировавшись и сохранив традиции. Так, в Малой Азии греки и армяне компактно проживали в Кесарии (совр. Кайсери), Инджесу, Эргли и других городах, где мирно занимались ремеслами и торговлей, сохраняли веру и культуру, имели свои школы [5, р. 55–56, 59–63]. В целом в нарративе княгини практически каждая этническая группа Османской империи получила похожие комментарии автора о специфике ментальности и образа жизни, что углубило презентацию этнокультурного изменения в текстах К. Т. ди Бельджойозо, потому что из зафиксированных ею деталей складывались новые, более достоверные образы «других», не идентичные ориенталистским представлениям.

Переходя к специфике восприятия княгиней аспектов религии, стоит обозначить, что она упоминала приверженцев ислама, христианства, иудаизма как основных религий, которые исповедовались в Османской империи в 1850-х гг. Это обстоятельство соотносится с результатами переписи населения 1844 г., когда по религиозной аффилиации было выявлено 57,94 % мусульман, 41,38 % христиан, включая 38,84 % православных и 2,54 % католиков и протестантов, а также 0,48 % иудеев (процентные соотношения подсчитаны с опорой на данные переписи 1844 г. [1, с. 391, 393]). Однако сведения К. Т. ди Бельджойозо, как и в случае этнического состава, давали более полную характеристику ситуации, потому что она рассматривала вариативные проявления религиозности, во что власти империи не стремились углубляться: если в случае ислама вставал острый вопрос об истинности веры, то внутреннее деление верующих иных религий и местные культы недостаточно интересовали чиновников-мусульман.

В этой связи первичен вопрос об отношении К. Т. ди Бельджойозо к исламу, который она пыталась понять в сравнении с христианством. В ее нарративе можно найти множество аналогий между двумя религиями: имамы как «священники мусульманской церкви», месяц Рамадан как «магометанский пост», намаз как «молитва», омовение как «часть литургии мусульман», хадж как «паломничество» в Мекку и Медину, Коран как «великая книга Востока» или «бессмертная книга», дервиш как «святой» или «мусульманский монах-подвижник» [5, р. 28–29; 7, р. 6; 8, р. 6; 9, р. 6; 13, р. 32, 35]. Согласно Э. В. Сайду, параллели с христианством и использование термина «магометанство» являлись маркерами ориенталистского дискурса с негативизирующим потенциалом [2, с. 106, 113–115], но, опираясь на опыт К. Т. ди Бельджойозо, стоит полагать, что наличие этих признаков в тексте не обязательно равноценно приверженности автора ориентализму, так как термины лишены враждебных к инаковости смыслов – через аналогии княгиня попыталась раскрыть ислам как еще одну религию со своими постулатами, практиками, последователями, а не как вероучение, угрожавшее ей или другим христианам.

Ее уважительное отношение к исламу имеет не только косвенные, но и прямые подтверждения. В отношении себя княгиня заявила, что ей «нечего сказать против Бога мусульман» и что еще до эмиграции она специально прочитала Коран, чтобы получить более глубокое представление о религии [5, р. 187, 223]. Та же установка на обмен смыслами есть в ее новелле «Эмина», где героиня, размышляя о Боге, в своих мыслях пришла к пониманию сущностной близости ее религии с христианской верой [6, р. 10–12, 15, 18–19, 21–23, 61–63, 130–131, 137–141]. В этом плане особенно актуальна оценка Л. Микелаччи, отметившей, что образ Эмины можно интерпретировать как альтер-эго автора [15, р. 589]. Другими словами, духовные искания героини-мусульманки и княгини-католички коррелируют друг с другом и при-

водят к диалогу о вере. Об интересе К. Т. ди Бельджойозо к этой проблеме свидетельствуют и детальные описания религиозных практик мусульман, в которых она старалась выдерживать уважительный тон своих комментариев. Единственным моментом критики с ее стороны можно считать проблему ортодоксальности верующих, то есть разрыв между идеалами ислама и настоящей жизнью его последователей, которые не всегда соблюдали все религиозные предписания [8, р. 6]. Так или иначе, представленное в нарративе видение ислама стоит интерпретировать как занятие позиции открытости перед чужой верой, которая гипотетически могла бы быть воспринята негативно, но постигалась вне подобной правной точки.

Не менее значимы наблюдения К. Т. ди Бельджойозо о верующих других религий – прежде всего, христианства и иудаизма. С точки зрения отражения конфессиональных различий христиан ее сведения подробны – присутствие разных христианских деноминаций отмечено ею, к примеру, в Иерусалиме, месте сближения «всех христиан Востока», и деревне Букрива (совр. Бека Кафра) у Ливанских кедров, где все вместе жили последователи католицизма, англиканской церкви, других течений протестантизма [5, р. 196–201, 335–337]. Момент сплочения разных конфессий, по словам итальянки, был ожидаем в условиях османского общества, поскольку, находясь среди мусульманского большинства, христиане находили ресурс для сохранения веры и традиций именно через объединение. Что касается последователей иудаизма, то княгиня отметила их проживание в Иерусалиме, Цфате, Тивериаде (совр. Тверии) и других городах Палестины, где, как ей показалось, число еврейских семей постепенно росло на протяжении 1850-х гг., поскольку «культ древнего Израиля достаточно силен, чтобы каждый год привлекать в Иерусалим группы израильских мигрантов» из европейских стран [5, р. 214–215, 261–262, 265]. В целом особенностью жизни иудеев Ближнего Востока К. Т. ди Бельджойозо считала высокую степень религиозности, которая обеспечивала сохранение их идентичности. Тем самым все три религии, официально признававшиеся властями Османской империи, отчетливо идентифицировались ею как составляющие религиозного плурализма общества этой страны.

Также К. Т. ди Бельджойозо интересовали проявления религиозного синкрезизма и народных суеверий в османском обществе 1850-х гг. Вероятно, подобные формы религиозности можно связать с различиями в понимании как ислама, так и других религий региона. Княгиня несколько раз сталкивалась с такого рода убеждениями и описывала их как конкретный опыт, имевший место в том или ином населенном пункте или даже семье. Так, например, вразрез с основами ислама шла вера в духов, способных вселяться в живых существ и влиять на жизнь людей. В деревне Куприн (совр. Кёпрюкёй) К. Т. ди Бельджойозо «лечила» девушку, которая уже целый год болела, как считали местные жители, из-за встречи с черной кошкой, потому что «черные кошки – это злые духи, чей визит является очень печальным предзнаменованием» [5, р. 44–47]. Другой случай, рассказанный княгиней, был связан с сакрализацией деревьев и применением практик магического характера в области медицины. Она запомнила дерево, покрытое маленькими лоскутами, на въезде в Кыршехир, где жил грек, считавшийся колдуном, который «лечил» людей, привязывая больных к дереву и произнося над ними заклинание, после чего они должны были сбежать оттуда так, чтобы лоскут порванной одежды зацепился за ветви и остался на дереве, которое тем самым забирало болезнь себе [11, р. 6]. Так как верования смешанного происхождения не признавались властью и существовали лишь в повседневной практике, такие сведения о них с трудом проверяемы, но важны как часть мировоззрения людей и как еще один аргумент в пользу разнообразия религиозных представлений османского общества.

Отдельно можно рассмотреть аспект презентации в нарративе К. Т. ди Бельджойозо жизни этноконфессиональных и конфессиональных меньшинств. Княгиня писала о таких локальных сообществах, пересекая территории Ливана и Сирии, где имела шанс встретить этноконфессиональные группы друзов (арабского происхождения) и езидов (курдского происхождения), также общину мутавали (в нарративе – «метуали»; ливанских мусульман-шиитов) и общину алавитов или нусайритов (в нарративе – «ансарииев», от названия горного хребта Ансария или Эн-Нусайрия, где проживали последователи алавизма – синкретического вероучения с элементами шиитского ислама, христианства, традиционных местных верований) [5, р. 70, 133, 323–325; 10, р. 6]. Существенная проблема проживания этих меньшинств в Османской империи состояла в открытой неприязни к ним со стороны мусульман-суннитов и христиан, из-за чего эти общины занимали маргинальное положение, а европейским путешественникам настоятельно советовали не вступать с ними в контакт. Так, по словам княгини, представители мутавали имели репутацию «огнепоклонников», обвиняемых мусульманами «в разврате, переходящем все границы», а христианами – «в нечестивых обрядах и даже в человеческих жертвоприношениях» [5, р. 323–324]. Но важно подчеркнуть, что сама княгиня, общаясь с этими людьми и останавливаясь в их поселениях на ночлег, заявила о ложности таких сведений и абсолютном отсутствии риска [4, р. 860–861; 5, р. 324]. Внимание К. Т. ди Бельджойозо к этноконфессиональным меньшинствам тоже способствовало полному отражению религиозной ситуации в османском обществе, хотя в данном случае еще более ценные и уникальны собранные ею сведения о жизни и верованиях этих групп в 1850-х гг., чего не могли дать переписи населения и сочинения многих других иностранцев, которые доверяли предостережениям местных жителей.

Кроме того, иногда К. Т. ди Бельджойозо обращалась к другим вариантам классификации населения, что дополняло критерии этничности и вероисповедания. В частности, она указывала на образ жизни людей, разделяя оседлое население и кочевников, что действительно играло роль в дифференциации османского общества [1, с. 394–402]. В понимании княгини некоторые народы Малой Азии и Сирии (прежде всего курды и туркмены) были полностью кочевыми [5, р. 68–75, 87–89, 91, 366–368, 390–393, 398, 418–422; 10, р. 6], поскольку ни один ее контакт с ними не происходил в иных условиях, кроме как в открытой местности, в процессе их перемещений или временной остановки. Также в представлении итальянки важной была категория языка, то есть акцент на лингвистическое разнообразие страны. К. Т. ди Бельджойозо была удивлена множеству диалектов, и даже идиолектов турецкого языка и отметила, что ни один путешественник и мигрант не бывает предупрежден о «большой разнице между языком одной провинции и другой, одного города и даже одного человека и других [городов и людей]» [7, р. 6]. Это замечание свидетельствовало о признании княгиней разделения населения еще и по языковым группам, что, как и фактор образа жизни, добавляло новые грани в этнокультурное измерение империи в ее восприятии.

Наконец, стоит отметить, что К. Т. ди Бельджойозо дала характеристику межэтнических и межконфессиональных отношений в османском обществе 1850-х гг. Причем, согласно С. Миллс, в женской путевой литературе акценты обычно смешались на отражение мирных контактов [16, р. 22], тогда как в нарративе княгини ограничение, по-видимому, было преодолено – ее тексты отличает видение сложной ситуации, включая и конфликтный опыт. Последнее вместе с тем согласуется с этнокультурной ситуацией в Османской империи, поскольку, хотя реформы Танзимата и предполагали установление равенства всех подданных, вряд ли они могли гарантировать мгновенные положительные сдвиги в повседневных реалиях, то есть быстрое

улучшение межобщинных отношений или прекращение дискриминации немусульманского населения.

Двойственность пореформенной ситуации заметна в передаче отношений внутри мусульманской общины, которая сначала казалась княгине сплоченной на основе веры, пока она не стала свидетельницей перманентных столкновений мусульман. К их числу относились уже названные проблемы с принятием этнокофессиональных меньшинств, чьи верования были связаны с исламом, но все же отличались от взглядов большинства. Иной конфликт разворачивался через противостояние турецких военных и арабских шейхов с кочевниками и горными племенами в Малой Азии и Сирии [5, р. 134–135, 140–142, 243–245, 263–268, 273–274, 280–281, 344–353, 393–394]. К тому же необычна параллель в ее новеллах «Эмина» и «Курдский князь», где взаимная неприязнь турок и курдов показана через взгляд каждой из сторон. В «Эмине» курды представлены как враги, которые ограбили турецкий дом и ранили Хамид-бeya, но в «Курдском князе» осуществлена инверсия этой обвинительной точки зрения – предводитель курдов Мехмет-бей, несмотря на набеги на турок, выступает как положительный персонаж, чья казнь в столице преподнесена как драматичный финал, а не справедливое возмездие [6, р. 73–76, 81–83, 90; 14, р. 152–157, 272–276]. Причем, хотя истории и не пересекаются сюжетно, вряд ли случайно, что во главе напавших на Хамид-бeya – курд с именем Мехмет-бей. Тем самым в нарративе княгини без упрощения реальной ситуации переданы ее впечатления от хаоса и нестабильности, явно имевших место в разных точках империи на фоне общей иллюзии стабильности.

Еще более противоречивыми в ее восприятии были отношения мусульман и немусульман (особенно христиан). С одной стороны, в османском обществе имело место их вполне мирное межкультурное взаимодействие, выражавшееся, например, в добровольных актах смены веры и смешанных браках. Как писала княгиня, она знала многие семьи, внутри которых произошел обмен культурными и религиозными традициями. Например, в Назарете пост французского консульского агента занимал араб-католик, чьи дети тоже были воспитаны в христианской традиции, тогда как консул Триполи, австриец по происхождению, женился на арабской женщине [5, р. 166–167, 257–258]. Другим моментом согласия верующих было также то, что каждый паломник на пути в Иерусалим, независимо от вероисповедания, имел «право на уважение всех правоверных мусульман, христиан, евреев» [5, р. 399]. Кроме того, контекст реформ Танзимата и процесс европеизации повседневной жизни в империи [1, с. 418–422] тоже могли способствовать налаживанию отношений, так как ориентировали население на сближение с европейцами, условием чего, как минимум, должно было быть лояльное отношение к христианской вере.

Обратной тенденцией связей мусульман и немусульман стоит определить латентную неприязнь друг к другу, которая по-прежнему сохранялась и проявлялась в виде насмешек, издевательств и иных форм дискриминации из-за веры, притом, по наблюдению К. Т. ди Бельджойозо, чаще в адрес тех, кто был в меньшинстве. В ее нарративе описаны случаи, когда она сама подверглась оскорблению, вопреки статусу паломницы, или увидела грубое отношение со стороны, которое оценила, как «настоящее фанатичное насилие» [5, р. 192–193, 201–203, 342; 12, р. 5; 13, р. 161–162]. Тот факт, что итальянка предпочла не скрывать крайности в своей коммуникации с жителями и в их отношениях друг с другом, значим в контексте передачи достоверной ситуации в области межэтнических и межконфессиональных отношений, которая, наряду с мирными связями, была не лишена негативных инцидентов.

Заключение

Подводя итог отражению этноконфессиональных различий в нарративе К. Т. ди Бельджойозо, стоит отметить, что с опорой на личный опыт проживания в

османском обществе она раскрыла весьма непростые исторические реалии середины 1850-х гг., то есть подробно дифференцировала население страны, учитывая специфику этнической и религиозной идентичности, образа жизни и языка его разных групп. Этнокультурное и конфессиональное многообразие было передано ею через повествование о разных представителях этого общества, составивших новые образы «других», в число которых вошли не только основные этнорелигиозные общины, но и локальные группы смешанного происхождения, с синкретическими религиозными верованиями и столь же специфичной этнокультурной самоидентификацией. В то же время османское общество для княгини – не конгломерат изолированных сообществ, а целостное, хотя и неоднородное по составу, образование, внутри которого разные группы находились в контакте друг с другом и с иностранцами (особенно с учетом европейского влияния в ходе реформ Танзимата). В этом смысле важно, что К. Т. ди Бельджойозо раскрыла представление о переменчивой динамике межэтнических и межрелигиозных связей, но попыталась изложить свой опыт, стараясь оставаться на позиции уважения к этнокультурному и религиозному разнообразию региона. Таким образом, отраженное в ее нарративе знание об османском обществе представляется более близким к действительности, чем ориенталистское знание о «Востоке», в чем и стоит видеть отступление итальянки от данного европейского дискурса XIX в.

Список источников и литературы

1. *Йедийылдыз Б.* Османское общество // История Османского государства, общества и цивилизации : в 2 т. / ред. Э. Ихсаноглу; пер. с турец. В. Б. Феоновой под ред. М. С. Мейера. М.: Вост. лит., 2006. Т. 1, гл. 7. С. 371–422.
2. *Сайд Э. В.* Ориентализм / науч. ред. А. Р. Ихсанов; пер. с англ. К. Лопаткиной. М.: Музей совр. искусства Гараж, 2021. 560 с.
3. *Amoia A.* Princess Cristina Trivulzio di Belgiojoso (1808–1871) // Great Women Travel Writers: From 1750 to the Present / ed. A. Amoia, B. L. Knapp. London; New York: Continuum, 2005. P. 64–85.
4. *Augustin-Thierry A.* La Princesse Belgiojoso et Augustin Thierry. Partie 4 // Revue des Deux Mondes. 1925. Vol. 29, № 4. P. 846–877.
5. *di Belgiojoso C. T.* Asie Mineure et Syrie. Souvenirs de voyages. Paris: Michel Lévy, 1858. 427 p.
6. *di Belgiojoso C. T. Emina* // Scènes de la vie turque. Paris: Michel Lévy, 1858. P. 1–143.
7. *di Belgiojoso C. T.* Letters of an Exile... No. XIII // New-York Daily Tribune. 1851. September 27. P. 6.
8. *di Belgiojoso C. T.* Letters of an Exile... No. XIV // New-York Daily Tribune. 1851. October 25. P. 6.
9. *di Belgiojoso C. T.* Letters of an Exile... No. XX // New-York Daily Tribune. 1852. February 28. P. 6.
10. *di Belgiojoso C. T.* Letters of an Exile... No. XXII // New-York Daily Tribune. 1853. June 4. P. 6.
11. *di Belgiojoso C. T.* Letters of an Exile... No. XXXVII // New-York Daily Tribune. 1853. November 22. P. 6.
12. *di Belgiojoso C. T.* Letters of an Exile... No. XXXVIII // New-York Daily Tribune. 1853. December 6. P. 5.
13. *di Belgiojoso C. T.* Ricordi dell'esilio / a cura di L. Severgnini. Roma: Edizioni Paoline, 1978. P. 23–188.
14. *di Belgiojoso C. T.* Un prince kurde // Scènes de la vie turque. Paris: Michel Lévy, 1858. P. 145–276.
15. *Michelacci L.* Cristina Trivulzio di Belgioioso allo specchio dell'Oriente // Lettere Italiane. 2014. Vol. 66, no. 4. P. 580–595.

16. Mills S. Discourses of Difference: An analysis of women's travel writing and colonialism. London; New York: Routledge, 2005. 233 p.

References

1. Yediyildiz, B 2006, 'Osmanskoye obshchestvo' (Ottoman society), *Istoriya Omsanskogo gosudarstva, obshchestva i tsivilizatsii* (History of the Ottoman State, Society and Civilization), vol. 1, chap. 7, ed. E. Ihsanoglu, M. S. Meyer, trans. V. B. Feonova, Vost. lit. publ, Moscow, pp. 371–422. (In Russ.)
2. Said, EW 2021, *Orientalizm* (Orientalism), ed. A. R. Ikhsanov, trans. K. Lopatkina, Muzey sovremenennogo iskusstva Garazh publ, Moscow. (In Russ.)
3. Amoia, A 2005, 'Princess Cristina Trivulzio di Belgiojoso (1808–1871)' *Great Women Travel Writers: From 1750 to the Present*, ed. A. Amoia, B. L. Knapp, Continuum publ, London, New York, pp. 64–85.
4. Augustin-Thierry, A 1925, 'La Princesse Belgiojoso et Augustin Thierry: IV' (Princess Belgiojoso and Augustin Thierry: IV), *Revue des Deux Mondes* (Review of the Two Worlds), vol. 29, no. 4, pp. 846–877. (In French)
5. di Belgiojoso, CT 1858, *Asie Mineure et Syrie. Souvenirs de voyages* (Asia Minor and Syria. Travel Memories), Michel Lévy publ, Paris. (In French)
6. di Belgiojoso, CT 1858, 'Emina' (Emina), *Scènes de la vie turque* (Scenes from Turkish Life), Michel Lévy publ, Paris, pp. 1–143. (In French)
7. di Belgiojoso, CT 1851, 'Letters of an Exile... No. XIII', *New-York Daily Tribune*, 27 September, p. 6.
8. di Belgiojoso, CT 1851, 'Letters of an Exile... No. XIV', *New-York Daily Tribune*, 25 October, p. 6.
9. di Belgiojoso, CT 1852, 'Letters of an Exile... No. XX', *New-York Daily Tribune*, 28 February, p. 6.
10. di Belgiojoso, CT 1853, 'Letters of an Exile... No. XXII', *New-York Daily Tribune*, 4 June, p. 6.
11. di Belgiojoso, CT 1853, 'Letters of an Exile... No. XXXVII', *New-York Daily Tribune*, 22 November, p. 6.
12. di Belgiojoso, CT 1853, 'Letters of an Exile... No. XXXVIII', *New-York Daily Tribune*, 6 December, p. 5.
13. di Belgiojoso, CT 1978, *Ricordi dell'esilio* (Memories of exile), ed. L. Severgnini, Edizioni Paoline publ, Rome, pp. 23–188. (In Ital.)
14. di Belgiojoso, CT 1858, 'Un prince kurde' (A Kurdish prince), *Scènes de la vie turque* (Scenes from Turkish Life), Michel Lévy publ, Paris, pp. 145–276. (In French)
15. Michelacci, L 2014, 'Cristina Trivulzio di Belgioioso allo specchio dell'Oriente' (Cristina Trivulzio di Belgioioso in the mirror of the East), *Lettere Italiane* (Italian Letters), vol. 66, no. 4, pp. 580–595. (In Ital.)
16. Mills, S 2005, *Discourses of Difference: An analysis of women's travel writing and colonialism*, Routledge publ, London, New York.

Статья поступила в редакцию: 28.10.2025
Одобрена после рецензирования: 12.12.2025
Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 28.10.2025
Approved after reviewing: 12.12.2025
Accepted for publication: 12.12.2025